

The poster depicts a dark, apocalyptic landscape. In the foreground, a woman with long red hair, seen from behind, stands on a rocky, lava-strewn ground. She is looking towards a towering, jagged, dark structure that resembles a giant's hand or a massive, broken piece of machinery. The sky is filled with dark, swirling clouds and a bright, fiery red light emanates from the top of the central structure. The overall tone is dramatic and intense.

АНАСТАСИЯ М

ТЕКТОНИКА
ТОЧКА ДЕФОРМАЦИИ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тектоника

Анастасия М

Точка деформации

«Автор»

2026

М А.

Точка деформации / А. М — «Автор», 2026 — (Тектоника)

Пять лет назад Землю насквозь прошила чёрная игла — Конструкт. Выжившие заперты внутри, каждый в своём изолированном аду. Закон Одиночества абсолютен: ты можешь видеть чужие следы, но никогда не встретишь живого человека. Нарушишь закон — Система сотрет твой код. Алиса Рейн погибла в первый день. Осталась Лиса — женщина с неоновым таймером жизни на сетчатке. В Нижнем Ярусе эмоции убивают быстрее монстров, и она научилась не чувствовать. Но на верхних этажах Лиса находит дымящиеся руины блокпостов. Кто-то идёт параллельно и ломает Систему слепой яростью. Оставляя маркеры на графитовых стенах прямо для неё. Чтобы догнать его, Лисе придётся пройти через ад Озера Переработки и задействовать «Холодный разум». Ведь впереди по этажам идёт Леон Ворон — человек, ставший Судьей этого сектора. И Конструкт сделает всё, чтобы столкнуть их фазы в смертельном обнулении.

© М А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анастасия М

Точка деформации

Пролог

«Трещины появляются не там, где ломается мир. Они появляются там, где он продолжает держаться.»
Из заметок Алисы Рейн

В кабинете пахло лавандовым мылом и свежемолотым кофе. Мягкий свет настольной лампы ложился тёплыми пятнами на корешки книг в тёмных переплётках и на глубокое кожаное кресло цвета горького шоколада. В этом кресле, сжавшись в комок, сидел сорокалетний мужчина в дорогом тёмно-синем костюме. Он плакал тихо, почти стыдливо, уткнувшись лицом в ладони. Плечи его судорожно вздрагивали, а между пальцев блестели дорогие часы.

— Мой бизнес рушится, Алиса... — голос у него сорвался и стал тонким. — Я каждую ночь просыпаюсь от панических атак. Сердце колотится так, будто сейчас пробьёт рёбра. Мне кажется, весь мир разлетается на куски, и я ничего не контролирую. Абсолютно ничего. Что мне делать? Скажите, что делать...

Алиса Рейн копила напротив в своём глубоком кресле и мягко улыбалась. Ей было двадцать шесть. Огненно-рыжие тяжёлые кудри были небрежно собраны в низкий хвост, несколько непослушных прядей выбились и падали на лицо, касаясь щёк. Круглые очки в тонкой металлической оправе слегка сползли на переносицу. Просторный кашемировый свитер цвета топлёного молока скрывал мягкие, округлые формы. На ногах — простые домашние туфли. Пациенты любили её с первого взгляда. За голос. За глаза. За ощущение, что рядом наконец можно перестать держать лицо и просто быть слабым.

Она слегка подалась вперёд, опираясь локтями на колени.

— Сделайте глубокий вдох, Игорь. Медленно. Через нос. — Её голос лился ровно, почти убаюкивающе. — Паника — это всего лишь химическая реакция мозга. Ошибка восприятия. Вы боитесь потерять контроль над внешним миром, но правда в том, что внешний мир нам никогда и не принадлежал. Единственное, чем вы по-настоящему управляете — ваши мысли. Отсеките страх. Включите холодный, чистый разум. И тогда любая проблема станет просто набором задач, которые можно решать по одной.

Мужчина шмыгнул носом, медленно поднимая красные, опухшие глаза. В них стояли слёзы и отчаянная, почти детская надежда.

— Вы правда думаете, у меня получится?

Он не успел услышать ответ.

В следующую секунду лампочка в настольной лампе лопнула с коротким, сухим треском. Кабинет мгновенно погрузился в синеватые предвечерние сумерки. Кофемашина у стены жалобно пискнула и отключилась. Где-то далеко в здании тонко завывала аварийная сирена, но почти сразу оборвалась, будто ей перерезали горло.

Алиса почувствовала, как на затылке медленно Шевельнулись мелкие волоски. В ушах родился странный звук — низкий, вибрирующий, утробный. Он шёл будто из глубины самой земли, из-под фундамента небоскрёба. От этого гула сразу заныли зубы, а в груди поднялось липкое, тяжёлое, первобытное чувство тревоги. Такое она последний раз испытывала в детстве, когда заблудилась в лесу.

Пол под ногами ощутимо дрогнул. На полке качнулась и с тихим звоном упала фарфоровая статуэтка пастушки. Голова откололась и покатилась к ногам Игоря.

— Алиса... что это? — голос пациента снова стал тонким и испуганным.

Она поднялась. Мягкость и уют кабинета растаяли за доли секунды, будто их никогда и не было. За панорамным окном девятнадцатого этажа внезапно завывали сотни автомобильных сигнализаций. Этот железный, многоголосый, истошный вой почти сразу смешался с первыми человеческими криками. Кто-то орал совсем близко, под окнами.

Алиса подошла к стеклу. Её отражение на мгновение наложилось на город — круглое лицо, рыжие кудри, очки.

Неба больше не было.

Привычный весенний купол синего неба раскалывался. По нему, словно по огромному лопнувшему стеклу, со змеиным шипением расплзались чёрно-фиолетовые неоновые трещины. Из этих трещин на город сыпался серый, невесомый пепел. Он уже покрывал крыши машин, деревья внизу и плечи бегущих людей тонким могильным саваном.

Горизонт дрогнул. А потом землю пробило.

В десяти километрах от центра, прямо сквозь жилые кварталы, парк и развязку третьего транспортного кольца, снизу вверх рванул колоссальный кристаллический шпиль. Он был угольно-чёрным, матовым, без единого блика. Таким огромным, что мгновенно закрыл собой половину обзора. Игла Конструкта прошила планету насквозь и продолжала расти, устремляясь в расколотое небо. Земля ответила на это чудовищным, низким, оглушительным рёвом, от которого задрожали стёкла по всему городу и в зубах появился металлический привкус.

Здание бизнес-центра качнулось, как пьяное. Панорамное стекло покрылось паутиной трещин и в следующую секунду вылетело наружу вместе с тяжёлыми занавесками. В лицо Алисе ударил ледяной шквал ветра, полный пепла, мелкой стеклянной крошки и чужих криков.

— Бежать! Надо бежать! — закричал Игорь. Он развернулся к двери, но пол под его ногами просто исчез. Бетонные плиты сложились внутрь себя с чудовищным хрустом. Стены покрылись гигантскими разломами. Здание начало складываться, как карточный домик.

Алиса не успела сделать ни шага. Пол ушёл из-под её мягких туфель. Она взмахнула руками, пытаясь ухватиться хоть за что-то, и полетела вниз — в грохот, пыль, обломки и нахлынувшую снизу чёрную бездну. Вокруг с рёвом рушились тонны бетона, офисная мебель, стеллажи с документами. Но страха не было. Был только оглушающий, почти стерильный шок от того, как легко, быстро и безжалостно уничтожился весь её правильный, тёплый, понятный мир.

Она падала в абсолютную, звенящую тишину. Звуки рушащегося города оборвались внезапно, будто кто-то выкрутил регулятор громкости до нуля. Остался лишь тяжёлый, пульсирующий гул, идущий отовсюду сразу — изнутри собственного черепа, из костей, из темноты.

Перед глазами, прямо в этой темноте, вспыхнула первая строка блекло-неонового интерфейса. Буквы выжглись на сетчатке холодным, безжалостным светом:

[Обнаружен биологический объект: Единица-46] [Статус: Инициализация в Системе...]
[Точка сброса: Нижний Ярус. Этаж 32] [Добро пожаловать в Конструкт. Ваш таймер запущен]

Глава 1

Лиса вжалась спиной в холодный, сочащийся маслянистой чёрной влагой бетон. Сверху, из невидимых стыков между плитами потолка, лениво сыпался серый пепел. Он падал медленно, почти торжественно, и оседал на коротко обрубленных рыжих волосах, забивался за воротник потёртой куртки, скрипел на зубах и языке. Настоящий могильный саван Изнанки.

Перед глазами, прямо в сетчатке, навязчиво пульсировал полупрозрачный неоновый таймер Системы. Цифры таяли медленно и неумолимо. Меньше часа. Пятьдесят две минуты. Потом станет меньше. Если счётчик обнулится, Конструкт запустит процесс оцифровки отходов. Кожа сначала покроется серой известью, мышцы превратятся в камень, и она станет ещё одной безликой подпоркой этих бесконечных, вечно перестраивающихся стен.

Пять лет назад Алиса Рейн весила под восемьдесят килограммов, носила кашемир и могла заплакать от вида собственной крови на порезанном пальце. Сегодня Лиса весила пятьдесят пять, состояла из сухих, жёстких, налитых силой мышц, а ладонь привычно и почти нежно грела рукоять стилета, выточенного из куска старого рельса. Второй стилет — трофейный, с тусклым фиолетовым отливом — лежал в ножнах на левом бедре.

В дальнем конце коридора раздался звук, от которого внутри всё сжалось в тугую, холодный комок.

Хр-р-р-р... Кх-ч-ч-ч.

Тяжёлый, утробный рокот. Так звучит старый, забитый ржавой стружкой и чёрной лимфой дизельный двигатель, который насильно заставляют работать. Ржавый Плывун вышел на охоту.

Лиса медленно выдохнула через нос и заставила себя не двигаться. Тварь была близко. Плывуны не имели глаз — в вечной, липкой темноте 32-го этажа они были бесполезны. Но на «голове», собранной из оплавленных радиаторных решёток и кусков арматуры, постоянно шевелился густой пучок оголённых кабелей, сочащихся густой фиолетовой лимфой. Эти кабели улавливали электромагнитные всплески. А точнее — хаотичные, вкусные всплески человеческого страха. Конструкт научил своих гончих пить ужас, как другие твари пьют кровь.

Острые, похожие на обломки рельсов лапы с сухим, мерным стуком вонзались в крошащийся бетон. Плывун двигался медленно, волоча за собой тяжёлое, угловатое брюхо. Он остановился в пяти шагах от её колонны. Пучок кабелей на морде резко распушился, как хвост бешеной кошки. Между проводами проскочили короткие фиолетовые искры. Тварь зашелкала ими, настраиваясь.

Он почувствовал след.

Сердце Лисы предательски, тяжело ухнуло вниз. Адреналин ударил в кровь горячей волной. Интерфейс Конструкта тут же среагировал мерзким, высоким писком, который слышала только она. Система зафиксировала психоэмоциональный всплеск. Уровень паники пополз вверх. Ловкость и выносливость просели, а цифры на таймере жизни бешено замигали, начав таять в два раза быстрее.

Плывун резко повернул свою уродливую, угловатую голову в сторону её колонны. Рокот стал громче и ниже, перерастая в хриплое, торжествующее шипение. Провода на морде вытянулись струнами прямо в её направлении. Он пил её страх. Он уже знал, где она.

— Нет, — мысленно, очень чётко приказала себе Лиса, изо всех сил сжимая граненого стилета. Рукоять впиалась в мозоли. — Я больше не жертва. Я врач. А это просто взбесившийся кусок мяса, железа и чужого ужаса.

Она сделала глубокий, контролируемый выдох через нос. Раз. Два. Три. Мысленный шелчок — тот самый профессиональный триггер, который она выстраивала годами ещё на Земле, работая с самыми тяжёлыми пациентами.

Активация навыка: «Холодный разум».

Мир вокруг мгновенно, с сухим щелчком, потерял все краски. Пылающий красный цвет панического интерфейса стал блекло-серым. Остался только чистый, звенящий, ледяной, почти красивый расчёт.

Пульс упал до пятидесяти ударов в минуту. Сердце забилося ровно и тяжело, как метроном. Дебаффы осыпались. Тело снова стало лёгким и точным.

Снаружи воцарилась тишина. Ржавый Плывун, который уже занёс передние лапы для прыжка, внезапно замер. Электромагнитный фон вокруг колонны мгновенно выровнялся. Источник страха, который секунду назад горел для монстра ярким маяком, просто исчез. Тварь растерянно зашевелила кабелями, издавая озадаченный, почти обиженный щелкающий звук. Она потеряла цель. Теперь Лиса была для неё не более чем куском мёртвого, неинтересного бетона.

Лиса медленно открыла глаза. В режиме «Холодного разума» время текло иначе — густо, тягуче, почти сладко. Она видела каждую песчинку пепла, зависшую в воздухе. Видела мелкую дрожь в кабелях на морде твари. И видела идеальную точку слома — сочленение ржавых труб на шее Плывуна, которое её собственный холодный расчёт подсветил тусклой, призрачной меткой.

Она крепче перехватила стилет и плавно, без единого лишнего звука, начала выходить из-за колонны. Время охоты Плывуна закончилось.

Один короткий шаг вперёд. Тварь дёрнулась, уловив движение воздуха, но было уже слишком поздно. Лиса не замахивалась широко — в узких ржавых коридорах это верная смерть. Нанесла короткий, жёсткий, поршневым удар снизу вверх. Трёхгранное лезвие из закалённого рельса с противным, влажным скрежетом вошло точно в зазор между радиаторными пластинами шеи, глубоко сминая и перерезая оголённые провода.

Плывун оглушительно взревел. Звук был похож на визг циркулярной пилы, которую заставили пилить камень. Фиолетовые искры брызнули во все стороны, опалая Лисе щёку и брови, но она даже не зажмурилась. «Холодный разум» держал тело в абсолютном, почти машинном подчинении. Она резко провернула стилет на девяносто градусов, разрывая последние магистральные кабели питания, и выдернула оружие на себя.

Тварь судорожно дёрнулась всем телом. Тяжёлые лапы подогнулись. Огромная туша из металлолома и бетона с глухим, тяжёлым стуком рухнула на пол. Провода на морде обмякли, испуская тонкую струйку едкого чёрного дыма. Над поверженным чудовищем поднялось облачко мелкой, светящейся фиолетовой пыли. Она мгновенно устремила к правому запястью Лисы, где на массивном стальном наруче тускло замигал кристаллический приёмник. Системный таймер удовлетворённо, почти мурлыкающе звякнул, впитав добытые часы жизни. Баланс пополнился.

Лиса глубоко вдохнула и отпустила навык.

Цвета вернулись в мир резко, почти болезненно. Сердце запоздало заколотилось в бешеном ритме, прогоняя скопившийся адреналин. Колени на секунду стали ватными. Тупая, знакомая боль отката уже начинала стучать в висках тяжёлым молотом.

Она вытерла чёрную лимфу и куски проводов с лезвия о край куртки и уже собиралась уходить глубже в сектор, когда её взгляд зацепился за стену за трупом Плывуна.

Лиса замерла.

На толстой бетонной плите, наполовину скрытой ржавыми трубами и кабелями, красовался глубокий, страшный след. Бетон был не просто пробит. Он был буквально разворочен мощным, яростным, почти бешеным ударом чего-то тяжёлого и гранёного. Словно кто-то с дикой, нечеловеческой силой вонзил туда массивный таран снова и снова. Вокруг трёхсантиметровой рваной вмятины веером расходились глубокие трещины. На краях сколов запеклась и почернела лимфа какого-то куда более крупного и старого чудовища.

Лиса подошла ближе. Её ботинки почти бесшумно ступали по пеплу. Она протянула руку и провела пальцами по острому, рваному сколу. Камень был холодным, но под пальцами будто оставалось эхо чужой ярости.

На 32-м этаже так не дрались. Местные выжившие были слишком напуганы. Они прятались по норам, использовали лёгкие заточки и обрезки труб, старались не привлекать внимания. Этот след оставил одиночка. Тот, кто шёл напролом. Тот, кто не прятался от монстров, а вырезал их десятками и оставлял после себя такие вот рваные дыры в реальности.

Лиса ещё раз медленно провела ладонью по развороченному бетону. Пальцы покалывало.

Кто-то очень злой. И очень сильный. И он был здесь недавно.

Она выпрямилась, спрятала стилет в ножны и посмотрела в темноту коридора, куда уходил этот след. В груди впервые за долгое время шевельнулось что-то, похожее на интерес. Опасный. Запретный.

Лиса тихо выдохнула и пошла вперёд — туда, где пепел был свежее, а трещины в стенах глубже.

Глава 2

Лиса стояла перед развороченной бетонной плитой дольше, чем позволял здравый смысл. Пальцы всё ещё лежали на рваных краях вмятины, будто через камень можно было почувствовать остаточное тепло чужой ярости. В мире, где большинство людей скулили и прятались от одного вида Ржавого Плывуна, кто-то бил так, словно хотел не просто убить тварь, а стереть сам факт её существования. Чистая, концентрированная, почти чёрная злость. В Конструкте такое встречалось крайне редко.

Таймер на сетчатке продолжал методично жевать секунды. Сорок одна минута. Идти через центральные ржавые галереи означало почти наверняка нарваться на патрули Синдиката Стального Кода. Эти ублюдки в тяжёлой техно-бронировке собирали «налог временем» с каждого, кто был слабее. Отдавать им только что заработанные часы Лиса не собиралась. Оставался один путь — напрямик, через технические вентиляционные шахты Южного Осушителя.

Она подошла к глухой стене, из которой торчал массивный квадратный раструб воздуховода. Железная решётка была давно выбита кем-то до неё. Из тёмного нутра трубы тянуло тяжёлым, сухим запахом озона, застарелой гнили, калёного железа и чего-то сладковато-гнилостного. Лиса перехватила основной стилет поудобнее, зажала второй — трофейный, с тусклым фиолетовым отливом — зубами и гибкой, почти бесшумной тенью скользнула внутрь.

Внутри стального короба шириной чуть больше метра пепельный дождь не шёл. Но весь пол был засыпан толстым слоем едкой, ржавой пыли, которая сразу начала забиваться в нос и рот. Приходилось ползти на четвереньках, почти прижимаясь животом и грудью к жёсткому рифлёному металлу. Воздуха катастрофически не хватало. Стены давили на плечи, порождая медленную, удушливую клаустрофобию. Каждый осторожный сантиметр пути отзывался глухим, едва слышным металлическим эхом, которое уходило вперёд и назад по трубе.

Шорох.

Лиса замерла так резко, что пыль вокруг неё ещё секунду продолжала двигаться. Звук пришёл сверху, из вертикального колодца, к которому вёл этот воздуховод. Это был не рокот Плывуна. Звук напоминал шелест сухих листьев или... шуршание сотен тончайших металлических пластин, которые трутся друг о друга.

Пепельные Стрижи.

Её сердце сделало короткий, рваный, предавательский толчок. Внутри сразу заворочался липкий, первобытный страх, и интерфейс мгновенно выплел перед глазами предупреждение о фиксации паники. Системные штрафы начали медленно резать ловкость. Лиса стиснула зубы и не стала включать «Холодный разум». Этот навык требовал колоссальной ментальной энергии. Если удерживать его слишком долго, после отключения наступал жестокий откат — ослепляющая головная боль, тошнота, судороги и несколько часов почти полной беспомощности. Она научилась экономить себя. Активировать только в секунду удара. Не раньше.

Она поползла вперёд быстрее, стараясь дышать мелко и редко. Стальной короб оборвался внезапно. Лиса осторожно, почти по миллиметру, высунула голову наружу и заглянула в циклопический вертикальный колодец. Он уходил вверх и вниз на сотни метров, растворяясь в абсолютной тьме. По стенам колодца, как гигантские вскрытые вены, лепились тысячи ржавых труб, переплетённых толстыми кабелями.

И на этих трубах сидели они.

Десятки. Сотни. Пепельные Стрижи. С виду они напоминали уродливых, навсегда лишённых перьев птиц, но их тела были отлиты из грязно-серого, матового титана. Крылья состояли из тончайших, налегающих друг на друга пластин, острых как хирургические лезвия. Твари спали, уткнув металлические клювы в грудные клетки. Но стоило Лисе сделать

один слишком глубокий вдох, как ближайшая птица резко, дёрнуто вскинула голову. Её глаза вспыхнули тусклым, фосфорическим жёлтым светом.

Стриж издал тонкий, ультразвуковой свист, который ударил прямо по барабанным перепонкам и заставил зубы заныть. Колодец мгновенно ожил. Сотни металлических крыльев пришли в движение одновременно, создавая оглушительный, режущий уши скрежет, от которого хотелось зажать голову руками.

Стая сорвалась со своих мест и сплошной, чёрно-серой лавиной ринулась вниз. Прямо на неё.

Лиса резко выдохнула и отпустила контроль над эмоциями. Мысленный щелчок вышел жёстким, почти болезненным.

Активация навыка: «Холодный разум».

Мир вокруг мгновенно потерял краски, став зернистым и монохромным. Жёлтые глаза летящих тварей превратились в блекло-неоновые точки. Пространство налилось тяжёлым, густым киселем. Время замедлилось.

Лиса видела каждую отдельную пластину на крыле ведущего Стрижа, который пикировал прямо ей в лицо, выставив вперёд титановые когти. Она видела траекторию его полёта — системный расчёт даже подсветил её тонкой блеклой пунктирной линией.

Она не стала отступать назад в трубу воздуховода. Там она оказалась бы заперта в глухом тупике. Вместо этого Лиса рванулась вперёд и выпрыгнула из раструба вентиляции прямо в чёрную пустоту колодца.

Обычный человек разбился бы через несколько секунд. Но Лиса точно рассчитала движение. В падении она вытянула руку и перехватила толстый силовой кабель, свисавший вдоль стены. Ладонь в кожаной перчатке обожгло дикой болью от трения, кожа под перчаткой лопнула, но она удержалась, погасив скорость падения.

Мимо её лица, всего в двух-трёх сантиметрах, с тонким свистом пронёсся первый Стриж. Острые металлические перья крыла полоснули по воздуху так близко, что срезали прядь рыжих волос и оставили тонкий порез на щеке. Ещё доля секунды опоздания — и это лезвие вскрыло бы ей горло до позвоночника.

Ракачиваясь на кабеле, Лиса маятником бросилась к противоположной стене колодца, где в полумраке угадывался узкий технический мостик. В полёте она сгруппировалась и нанесла короткий, жёсткий удар правым стилетом. Трёхгранное лезвие с хрустом вошло в брюхо пролетавшего мимо Стрижа, ломая внутренние шестерёнки и хрупкие сочленения. Наруч на запястье тускло мигнул, впитывая жалкие крохи времени.

Лиса тяжело рухнула на железный настил мостика, перекатилась через плечо, чтобы погасить инерцию, и мгновенно вскочила на ноги. Стая уже заходила на второй круг. Круглое жерло колодца над головой превратилось в бешеный, кружащийся вихрь из падающего пепла и сверкающих стальных перьев.

До лагеря Клайда Брока оставалось всего два перехода. Но чтобы дойти, ей придётся собрать с этой стальной стаи кровавую жатву.

Глава 3

Убежище на тридцать втором ярусе пахло не просто ржавчиной, затхлой водой и перегоревшим машинным маслом. Оно пахло застоявшимся, концентрированным, почти осязаемым человеческим страхом. Это был особый, удушливый запах, который люди в Нижних Секторах выдыхали месяцами, запертые в своих персональных временных тупиках.

Лиса скользнула в полузатопленный коллектор Южного Осушителя. Сапоги с тихим, вязким хлопанием погрузились в маслянистую чёрную жижу, доходившую до щиколоток. Дыхание её было рваным, хриплым; из груди вырывался свист. Ткань плотной тактической куртки на левом плече была разворочена когтями Пепельного Стрижа — рваные края ткани пропитались тёмной, почти чёрной в полумраке кровью, которая медленно текла по рукаву и капала с манжеты в мазутную воду.

Боль пока была глухой, терпимой, но Лиса знала, что это временно. Ледяной щит «Холодного разума», который она удерживала во время бойни в вентиляционном колодце, окончательно растаял, и теперь её догонял неизбежный, жестокий откат. Виски стянуло невидимым обручем, в затылке методично, с каждым ударом сердца, стучал тяжёлый кузнечный молот, а к горлу подкатывал густой, липкий ком тошноты. Перед глазами плыли мутные серые круги, частично перекрывая блекло-неоновые строки интерфейса.

Лиса заставила себя сфокусировать взгляд на мерцающих цифрах в правом углу сетчатки.

[00:52:14]

[00:52:13]

Меньше часа. Но это было неплохо. Кристалл жоака стаи, который она успела вырезать из титанового брюха птицы прямо в падении, должен был пополнить баланс. Главное — успеть дойти до терминала фильтрации фаз. Если счётчик обнулится до того, как она сбросит добычу, Конструкт запустит процесс оцифровки отходов. Лиса видела это десятки раз: сначала кожа человека сереет, покрываясь мелкой, сухой известью, затем мышцы теряют эластичность, наливаясь каменной тяжестью, и выживший за несколько минут превращается в безликую, застывшую подпорку для вечно перестраивающихся стен Изнанки.

Пройдя по коллектору ещё около сотни метров, Лиса упёрлась в массивную гермодверь. Железный монолит был наскоро утыкан уродливыми заплатами из кусков старых рельсов и строительной арматуры. Коридор перед ней был абсолютно пуст. Темный, гулкий, заброшенный тоннель. Но стоило Лисе подойти к стыку плит на расстояние трёх шагов, как воздух перед заваренной дверью подернулся сизой, дрожащей неоновой рябью. Сработал локальный протокол совмещения фаз.

На фоне ржавого железа проявился силуэт парня. Ему было от силы года двадцать два — бледный, с размазанной по щеке сажей, в грязном свитере. В руках он сжимал обрезок тяжелой трубы. Его фигура слегка подрагивала, то и дело распадаясь на косые цифровые полосы, а на сетчатке Лисы вспыхнула короткая системная строка:

[Обнаружена синхронизация эха. Фазовый сдвиг: +00:12:40]

Она видела его квантовый отпечаток. Парень сидел на этом самом бетоне ровно двенадцать минут назад в своей собственной временной линии. Закон Одиночества правил Конструктом безраздельно: они могли находиться в одной геометрической точке пространства, но Система разводила их по разным фазам секунд и минут. Они были соседями, которые никогда не смогут коснуться друг друга.

Увидев, как в его фазе воздух тоже исказился, принимая силуэт Лисы, парень сначала испуганно шарахнулся назад, поднимая трубу. Затем взгляделся в её рыжее каре, шрам на скуле и расслабился, опустив оружие. На его лице проступила слабая, виноватая улыбка.

— Лиса... — его голос донёлся до неё через интерфейс связи, слегка искажённый статическими помехами, будто Клайд говорил через старую рацию. — Ты живая. Слава богу. Брок уже места себе не находил. Думали, тебя Стрижи в колодце зажали.

— Открывай, Тош, — хрипло бросила Лиса.

Парень развернулся в своей фазе и нажал на невидимый для Лисы рычаг. В её реальности призрачная гермодверь с тяжёлым, скрежещущим звуком ушла в паз стены. Лиса переступила порог и оказалась в «лагере».

Это место было самой большой и трагичной иллюзией тридцать второго яруса. Огромный круглый зал технического коллектора казался обитаемым. Вокруг импровизированного очага — подключенного к системной шине теплового радиатора — разместились около двух десятков человек. Кто-то лежал на грязных матрасах, укрывшись рваными куртками. Кто-то тихо, монотонно раскачивался, обхватив колени руками и глядя в одну точку. В дальнем углу женщина с серым, измождённым лицом аккуратно перевязывала кому-то руку куском серой ткани.

Но всё это было лишь наложением фаз. Квантовым эхом. Лиса шла сквозь зал, и её ботинки ступали по абсолютно пустому, мёртвому бетону её личной, одинокой реальности. Люди вокруг неё были плотными, осязаемыми голограммами. Каждый из них жил в своём персональном отрезке времени, разминувшись с остальными на минуты или часы. Они могли разговаривать, слышать дыхание друг друга через общую сеть этажа, делить тепло радиатора, но если бы Лиса попыталась протянуть руку и коснуться плеча сидящего рядом человека, её пальцы встретили бы лишь пустоту и лёгкое покалывание статического разряда. Интерфейс тут же выдал бы дежурное предупреждение: [Ошибка. Нарушение Закона Одиночества. Прямой физический контакт заблокирован].

Клайд Брок сидел на перевёрнутом деревянном ящике из-под промышленного оборудования. Его высокий, сутулый силуэт двоился — Система показывала, что его фазовый сдвиг составлял чуть больше пяти минут относительно секунд Лисы. Руки Клайда, как обычно, были по локоть измазаны в чёрном синтетическом масле, а пальцы упрямо разглаживали на полу старые, пожелтевшие чертежи вентиляционных шахт. Из-за старого, неправильно сросшегося перелома правой ноги он сильно хромотал, и сейчас его трость — тяжелая железная труба с резиновым набалдашником — покоилась рядом, прислонённая к ящику.

Когда Лиса подошла ближе, Клайд поднял голову. В его усталых, воспалённых глазах мелькнуло что-то, похожее на глубокое, искреннее облегчение.

— Снова одна, — констатировал он хриплым, прокуренным голосом. — И снова раненая. Лиса, ты когда-нибудь вернёшься с рейда просто так, без этой проклятой крови?

Гелла стояла чуть поодаль, привалившись спиной к массивному бетонному столбу. Она курила свою неизменную, едкую самокрутку, скрученную из какой-то технической упаковочной бумаги и высушенных волокон системного мха. Высокая, костистая, с неровно, почти клочьями обстриженными тёмными волосами и жёсткой, прямой линией рта. На её широком кожаном ремне привычно висел тяжелый обрез, выточенный из куска обсадной трубы. Глаза Геллы были злыми всегда — менялся лишь градус этой злости. Сегодня он зашкаливал.

— Время принесла? — спросила она вместо приветствия, даже не вынув самокрутку из рта. Голос её, низкий и хриплый от постоянного дыма, прозвучал сухо.

Лиса не стала отвечать. Она молча залезла во внутренний карман куртки, стараясь не тревожить раненое плечо, и вытащила мутный, тяжёлый кристалл. Сердцевина жоака Пепельных Стрижей пульсировала в её ладони тусклым, зловещим фиолетовым светом. Прямой передаче вещь не подлежала — время из её фазы не могло просто так перейти в фазу Геллы.

Глава 4

Кричать начали ближе к тому времени, которое в Нижнем Ярусе условно именовали ночью. На самом деле никакой смены суток внутри Конструкта не существовало — Изнанка не знала солнца. Ночь здесь определялась исключительно по поведению самой Системы: низкочастотный утробный гул, идущий из недр гигантского шпиля, становился ниже, тяжелее и монотоннее, заставляя стены мелко и непрерывно вибрировать, а воздух в коллекторах густел, наливаясь ледяным озоновым холодом.

Молодая женщина — Лиса так и не смогла запомнить её имени, хотя видела её призрачный силуэт уже третий раз за неделю — забилась на матрасе в дальнем углу коллектора. Её временная фаза сейчас накладывалась на реальность Лисы с минимальным сдвигом — всего в какую-то минуту, из-за чего её фигура казалась пугающе плотной, почти настоящей.

Женщина истошно, на одной высокой ноте выла, катаясь по грязной ткани. Она отчаянно пыталась вырвать свою левую руку из серой, мертвенно-бледной известковой корки. Процесс оцифровки отходов уже пошёл. Сухая, шершавая известь плотно облепила её пальцы, превращая их в подобие уродливой скульптуры, и медленно, сантиметр за сантиметром, ползла по предплечью к локтю, пожирая живую плоть. Таймер на сетчатке её глаз, который Лиса видела через системные логи интерфейса ячейки, мигал бешеным, багрово-красным светом. На нём оставались считанные секунды.

— Не хочу! Не хочу медленно! — голос несчастной сорвался в хриплый, захлебывающийся визг. — Пусть лучше сразу! Пусть лучше сразу схлопнет, я не могу так! Господи, больно, как же больно!..

Гелла в своей временной фазе, отстающей от женщины секунды на три, тяжело навалилась на неё сверху, пытаясь удержать. Но это была страшная, ломающая мозг картина: полупрозрачные пальцы Геллы то и дело соскальзывали, проваливаясь сквозь плечи быющей женщины, когда фазовый сдвиг между ними увеличивался из-за всплесков паники. Квантовая связь искрила, выбрасывая в воздух короткие фиолетовые молнии статических разрядов. Потерпевшая вырывалась с дикой, животной силой отчаяния, билась затылком о реальный бетон стены и пыталась ползти в сторону закрытой гермодвери.

Лиса заставила себя подняться с матраса. Бок тут же отозвался резкой, режущей болью, а раненое плечо заныло с новой силой, но она упрямо переставила ноги и в несколько шагов пересекла зал. Она опустилась на корточки прямо перед обезумевшей от ужаса женщиной. Опустилась так близко, что видела расширенные, почти черные зрачки её глаз, в которых отражалось багровое мигание системной смерти.

Лиса протянула правую руку, но её ладонь ожидаемо встретила лишь ледяное, колющее сопротивление силового поля. Закон Одиночества стоял между ними невидимой, но абсолютно непреодолимой стеной времени. Лиса не могла физически прижать её к полу, не могла зажать ей рот, не могла силой остановить распространение известковой корки. Она была полностью, абсолютно изолирована в своих секундах. Единственное, что связывало её с умирающей — это аудиоканал и визуальный интерфейс.

— Смотри на меня, — приказала Лиса. Голос её прозвучал тихо, но в нём была накопленная годами земной практики тяжелая, непреклонная ментальная сила. Это был её старый, профессиональный голос психотерапевта — ровный, убаюкивающий, глубокий, способный пробить любую паническую атаку. — Смотри мне в глаза. Не на руку. На меня.

Женщина не слышала. Она продолжала метаться, её здоровые пальцы скребли пол, оставляя на бетоне полосы содранных ногтей.

— Смотри на меня, тварь! — Лиса рывкнула так, что Гелла в своей фазе рефлекторно отпрянула. — Дыши! Глубоко. Через нос. Прямо сейчас. Раз. Два. Три. Выдох.

Женщина на секунду замерла, её блуждающий, безумный взгляд наконец зацепился за серые, холодные глаза Лисы сквозь пелену квантовых помех. Лиса дышала подчеркнуто медленно, шумно, демонстрируя идеальный, размеренный ритм.

— Ты не каменеешь прямо сейчас, — Лиса снова смягчила тон, превращая слова в монотонный, гипнотический поток. — Ты ещё здесь. Ты жива. Ты в коллекторе, со мной. Нас разделяет всего минута, слышишь? Я рядом. Держись за мой голос. Ещё один вдох. Медленно. Через нос. Наполняй лёгкие. Страх — это просто ошибка твоего мозга. Всего лишь химия. Отсеки её.

Женщина судорожно всхлипнула, заходясь в кашле, захлебнулась тяжелым воздухом Изнанки, но послушно, инстинктивно потянулась за этим ровным, властным голосом и втянула воздух через нос.

На сетчатке Лисы системные логи ячейки тут же отреагировали: [Стабилизация психоэмоционального фона объекта. Уровень паники снижается: 92%... 85%...].

Багровое, истеричное мигание в глазах женщины чуть-чуть замедлилось, сменяясь ровным, тяжелым красным свечением. Таймер перестал жрать секунды в утроенном темпе. Серая известковая корка на её предплечье замерла, остановившись в трех сантиметрах от локтевого сустава. Она не отступила, кожа так и осталась мертвой, окаменевшей массой, но, по крайней мере, Конструкт остановил процесс утилизации плоти. Женщина обмякла на матрасе, её дыхание выровнялось, превратившись в прерывистый, тихий плач.

Лиса медленно выдохнула и поднялась на ноги, едва не потеряв равновесие от новой вспышки головной боли. «Холодный разум» она так и не включила, побоявшись, что второй откат за сутки её просто убьёт, поэтому сейчас её собственное сердце колотилось в горле как сумасшедшее.

Клайд Брок стоял в нескольких метрах от неё, тяжело опираясь на свою железную трость. В полумраке зала его призрачный, сутулый силуэт то и дело подергивался мелкой цифровой рябью, сигнализируя о том, что фазовый сдвиг между ними снова начал увеличиваться. Он сжимал свёрнутые в плотную трубку чертежи вентиляции Южного Осушителя так сильно, что его костяшки пальцев, испачканные в мазуте, полностью побелели.

— Мы не переживём здесь ещё один полноценный Пульс, Лиса, — сказал он очень тихо, так, чтобы его слова через общую сеть ячейки долетели только до её интерфейса. — Перекрытия этажа уже не просто ходят. Они пляшут. Я сегодня утром выводил сканирование на внешние контуры... Одна из несущих плит в третьем секторе просто... ушла вниз. Сложилась внутрь себя. Вместе с двумя людьми, которые на ней сидели в своей фазе. Они даже закричать не успели, Лиса. Их фазовые маркеры просто мигнули и погасли в логах Системы. Нас перемалывает. Этаж готовится к глобальной перестройке.

Лиса молча повернулась и посмотрела на темные, влажные стены коллектора. Клайд был прав. Она и сама это чувствовала — без всяких датчиков и приборов. Воздух в её пустом, гулком зале стал плотным, тяжелым, его приходилось буквально проталкивать в лёгкие. Низкочастотный гул Конструкта шёл уже не короткими волнами, а непрерывным, нарастающим потоком, от которого постоянно ныли корни зубов, а в костях рук и ног селилась мерзкая, вибрирующая слабость. Изнанка очищала тридцать второй ярус, избавляясь от отходов.

— Будем подниматься, — ответила Лиса, и её голос прозвучал как сухой щелчок затвора. — На тридцать третий. Пока ещё есть время. Пока шлюзовые переходы между уровнями не перекрыло окончательно. Если останемся здесь до начала Пульса — нас раскидает по таким глухим кавернам, из которых уже никто никогда не выберется.

Гелла, которая к этому моменту уже отошла от успокоившейся женщины к своему бетонному столбу, раздраженно фыркнула. Она с силой прижала тлеющий кончик своей призрачной самокрутки прямо к реальному, холодному бетону опоры, туша её, но возражать не стала.

Слишком хорошо знала, что спорить с Лисой, когда та включает свой «врачебный» тон, бесполезно.

Она лишь бросила на Лису короткий, тяжелый, из-под лобья взгляд — долгий взгляд человека, который за свои пять лет в Конструкте слишком много раз видел, чем именно заканчиваются чужие правильные, благородные и героические решения. Обычно они заканчивались горстью серого пепла на полу.

Глава 5

Ночью, когда большая часть лагеря в своих разрозненных временных отрезках наконец провалилась в тяжёлый, похожий скорее на обморок сон, Лиса сидела у гермодвери на старом деревянном ящике. Фонарь она выключила, чтобы поберечь встроенный аккумулятор куртки. Вокруг неё стояла абсолютная, плотная и гулкая темнота её личного, пустого коллектора.

Конструкт дышал. Этот низкий, утробный звук шёл тяжёлыми, медленными волнами откуда-то из неизмеримых глубин кристаллического шпиля. Он накатывал, вибрировал в костях, заставляя металл гермодвери едва заметно звенеть, а затем лениво отступал, оставляя после себя лишь высокий, тонкий электрический зуммер на сетчатке глаза. Казалось, огромный железный зверь ворочается во сне прямо под фундаментом сектора, сминая бетонные перекрытия.

Воздух перед Лисой внезапно подернулся едва заметной синеватой рябью — так обычно искрил интерфейс, когда кто-то приближался в параллельной фазе. Квантовое эхо Геллы проявилось беззвучно. Она опустилась на пол прямо рядом с ящиком, прислонившись спиной к той же заваренной рельсами двери. Её силуэт в темноте казался полупрозрачным, сквозь левое плечо Геллы тускло просвечивали ржавые потеки на реальной стене Лисы. Система показывала сдвиг:

[Фазовый разрыв: +00:03:15].

Три минуты и пятнадцать секунд разницы. Они сидели плечом к плечу, но между ними застыла непреодолимая стена из сотен уходящих мгновений.

От Геллы, точнее, от её цифрового образа, привычно пахло кислым дымом самосада, калёным железом и застарелой, невымытой усталостью. Она достала из кармана новую самокрутку, чиркнула призрачной спичкой. Огонёк ярко вспыхнул, на секунду выхватив из темноты её жёсткий, угловатый профиль, глубокие тени в глазницах и шрам, идущий от нижней губы к подбородку.

— Ты когда-нибудь думала нажать? — спросила Гелла вдруг. Её голос пришёл через аудиоканал интеркома — тихий, чуть охрипший, очищенный Системой от фонового гула этажа. Она смотрела прямо перед собой, в пустой, тёмный коридор коллектора.

Лиса долго молчала. Так долго, что кончик самокрутки Геллы успел подернуться серым налётом пепла. В темноте под веками Лисы снова, в который уже раз за эти пять лет, встал тот самый первый день. Самый длинный день в её жизни.

— Думала, — ответила Лиса наконец, и её сухие губы едва разлепились.

— И чего не нажала?

— Потому что я видела оцифровку, — голос Лисы вышел совершенно ровным, сухим и мёртвым. — В самый первый день, когда Конструкт только пробил город сквозь МЦК, на платформе стояла толпа. Обезумевшие, напуганные люди. Один парень улыбался, когда прижал ладонь к багровому стеклу Алтаря, кричал остальным, что это выход. Думал, что это спасёт всех. А в следующую секунду его глаза стали стеклянными, побелели, и он начал сыпаться. Будто тело внутри мгновенно превратилось в сухой песок. Из него рванул белый, ослепительный свет Системы. Этот песок сыпался прямо сквозь мои пальцы, Гелла. Пепел и цифровой код. Я пыталась удержать руками этот свет, зафиксировать его фазу, но его таймер в логах схлопнулся в глухой, абсолютный ноль. Я врач, Гелла. Я должна спасать, но против утилизации Системы я была бессильна. Больше я к ним не прикоснусь.

Гелла сделала глубокую, затяжную затяжку. Уголёк самокрутки яростно вспыхнул, на мгновение осветив её прищуренные, злые глаза. Она медленно выпустила дым через нос, и этот призрачный дым растаял в воздухе Лисы, не оставив даже запаха.

— Сука... — выдохнула Гелла тихо, и в её хриплом голосе впервые прозвучало что-то, отдалённо похожее на уважение. — Тогда понятно, почему ты всех здесь в лагере за шкуру таскаешь. Каждый раз, когда у кого-то таймер краснеет, ты ему в глотку цепляешься. Месть? Хочешь сломать эту систему?

— Не знаю, — честно сказала Лиса, устало потирая воспалённые веки под глазами. — Просто больше физически не могу смотреть, как они подходят к этим кубам и нажимают. Каждый раз, когда кто-то в коллекторе сдаётся и тянет руку к Алтарю, это возвращает меня в тот первый день. Опять этот песок, осыпаящийся сквозь пальцы. Это как петля времени, из которой я никак не могу выбраться.

Они сидели молча ещё очень долго. Время на таймерах неумолимо уходило, минута за минутой, приближая неизбежный Пульс этажа. Тишина внутри коллектора стала почти осязаемой, давящей на барабанные перепонки.

И вдруг где-то далеко за толстой, полуметровой бетонной стеной, отделяющей их сектор от центральных галерей, раздался звук.

БУМ.

Это не было похоже на гул Конструкта. Это был глухой, одинокий, страшный по своей силе и ярости физический удар. Тяжёлый металл с чудовищной силой вошёл в монолитную плиту перекрытия. Звук пробил все временные фазы коллектора одновременно — он не транслировался через интерком или логи, он заставил реальный бетон под ботинками Лисы ошутимо дрогнуть.

БУМ. Ещё один удар. Через равный промежуток времени. Тот, кто бил с той стороны, делал это методично, упрямо и с какой-то дикой, животной ненавистью, словно пытался вручную проломить сам каркас тридцать второго яруса.

Лиса медленно повернула голову в сторону стены. На её сетчатке интерфейс мгновенно выдал каскад коротких помех:

[Зафиксированы акустические колебания высокой мощности. Источник: неизвестен.

Направление: сектор 33-А. Фазовый статус: ошибка детерминации].

Гелла в своей временной фазе тоже вскинула голову, её самокрутка замерла в полсантиметре от губ. Глаза её сузились, а рука рефлекторно легла на тяжелую рукоять обреза, висящего на ремне. Даже сквозь три минуты разницы во времени этот звук долетел до её ушей в точности так же.

— Что за чертовщина? — спросила она без тени улыбки, и её голос стал собранным, боевым. — Системный сбой? Кого-то размазало тектоникой?

— Нет, — Лиса поднялась с ящика, придерживая рукой раненый бок. Вибрация в стене всё ещё затихала, отзываясь тупой болью в её висках. — Это не машина. Тварь Системы не бьёт так... упорядоченно. Кто-то движется по внешнему контуру. Идёт параллельно нашему коллектору, но выше. На один ярус выше.

— Пусть лучше этот безумный призрак с железякой, чем патрули Синдиката, — Гелла поднялась на ноги, её призрачный силуэт на секунду выдал цифровую зазубрину связи. Она с силой затушила окурок прямо о подошву своего тяжелого армейского ботинка. — Иди спать, Лиса. Завтра Клайд начнет вскрывать шлюзы гравитационного колодца. Завтра будет очень дерьмово, поверь мне на слово.

Лиса ничего не ответила. Она лишь продолжала смотреть на темную, холодную стену, за которой только что затих этот яростный, одинокий стук тяжелого гранёного оружия.

Глава 6

Каратели Синдиката пришли утром, когда люди в своих разрозненных временных отрезках ещё вяло жевали пресную, серую кашу из размоченных концентратов Системы.

Их было трое. Они возникли на входе в коллектор беззвучно, словно соткались из самого холодного озонового воздуха. Тяжёлая, матово-чёрная техно-броня закрывала их тела полностью, делая мужчин похожими на массивных угловатых насекомых. На грудных пластинах тускло отливали выжженные клейма Стального Кода — шестерня, пробитая вертикальным штырем. Забрала на шлемах были абсолютно непрозрачными, тёмными и гладкими, как мёртвая, застоявшаяся вода.

Эти ублюдки были профессиональными мародерами времени. Под их наспинными реакторами тяжело и низко жужжали генераторы фазового захвата. Лиса мгновенно почувствовала это на себе: воздух вокруг неё вдруг стал плотным, вязким, словно превратился в жидкое стекло. Пространство коллектора исказилось, и призрачные, подрагивающие силуэты выживших вокруг очага внезапно налились плотностью и цветом. Генераторы карателей насильно, вопреки законам Конструкта, стягивали разрозненные временные фазы людей в одну общую, уязвимую точку. Синдиката не волновал Закон Одиночества — они ломали его технологиями Системы, чтобы грабить.

Голоса карателей, пропущенные через внешние динамики шлемов, звучали плоско, металлически, без намека на человеческий тембр и без права на возражение: — Налог временем, — произнёс тот, что стоял в центре. Он был на голову выше остальных, а в его бронированной перчатке покоился тяжёлый электромагнитный погонялка. — Шестеро взрослых Единиц. Или мы активируем принудительный сбор со всех, у кого на таймере осталось меньше суток.

Клайд Брок попытался встать между ними и испуганно замершими людьми. Он тяжело, с хрустом опёрся на свою железную трубку-трость, делая шаг вперёд в этой внезапно ставшей общей реальности. Но хромая, неправильно сросшаяся нога подвела его. Силуэт Клайда болезненно задержался, по экрану интерфейса Лисы побежали строки критических ошибок синхронизации. Клайд едва не рухнул на бетон, но удержался, тяжело дыша. На его лбу выступили крупные капли пота. — У нас нет столько свободного времени, — хрипло, давясь плотным воздухом, выговорил он. — Мы только вчера сбросили последнюю сердцевину Стрижа в терминал ячейки... Вы заберете последние часы, люди просто каменеть начнут через два часа!

— Не интересует, — отрезал каратель. Бронированная пластина на его плече лениво шевельнулась. — Шестеро. Сейчас. Вы можете выбрать сами, кого отдаёте на утилизацию. Или выбирать начнем мы. По нашему усмотрению.

Гелла уже стояла у своего бетонного столба, медленно и совершенно беззвучно снимая тяжёлый обреш с предохранителя. Лиса, застывшая в тени матрасов, видела, как побелели костяшки её пальцев на деревянном цевье. Гелла собиралась стрелять. Но Лиса также видела, что каратели держали пальцы на спусковых крючках своих автоматических иглострелов. Ещё секунда — и в этом замкнутом коллекторе начнется слепая, грязная бойня, которую истощённый, израненный лагерь Брока гарантированно не переживет. Синдикат просто выкосит всех, выпитав их оставшиеся часы через свои наручные приёмники.

Лиса глубоко вдохнула через нос, сжала зубы, сдерживая рвущийся наружу стон от раненого плеча, и вышла вперед сама. Она переступила невидимую границу волнового поля карателей. Её тело тут же обдало волной жара, а таймер на сетчатке испуганно замигал, подстраиваясь под секунды убийц.

— Я заплачу за двоих из своих личных запасов, — сказала она ровно, глядя прямо в черное, мертвое стекло шлема старшего патрульного. — Остальных не трогайте. Уходите.

Средний каратель медленно, с легким гидравлическим шипением наклонил голову набок, будто разглядывал любопытное, но в целом совершенно незначительное насекомое. В динамике его шлема раздался сухой, трескучий металлический смешок, больше похожий на скрежет деталей: — О, рыжая докторша снова хочет побыть героем? — каратель сделал шаг к ней, и от тяжести его брони по воде в коллекторе пошла широкая рябь. — Последний раз, когда ты здесь геройствовала и прятала доходяг, мы всё равно забрали троих из твоей ячейки. Помнишь тот хруст, девка? Помнишь, как они выли, когда известка им пальцы ломала? Хочешь повторить?

Лиса не стала включать «Холодный разум». Она понимала, что ментальной энергии после вчерашнего рейда у неё почти не осталось, и откат от повторного навыка просто выжжет ей мозг. Она задействовала другую силу — чистую, накопленную за пять лет в этом аду физическую ярость.

Она двинулась. Быстро. Грязно. Без предупреждения.

Стилет из закаленного земного рельса, который она до этого момента прятала в рукаве куртки, скользнул в её правую ладонь. Лиса резко нырнула под выставленную руку старшего карателя, сокращая дистанцию вплотную. Остриё с противным, маслянистым скрежетом вошло точно в узкий, незащищенный стык техно-брони под левой мышкой — туда, где заканчивалась усиленная грудная пластина и начиналось более мягкое сочленение приводов.

Человек внутри брони хрипло, удушливо выдохнул. Его генератор фазового захвата за спиной мгновенно искривил частоту, выбрасывая в воздух целый каскад сизых цифровых помех. Каратель начал медленно складываться пополам, заваливаясь на Лису всей своей трехсоткилограммовой массой.

Второй патрульный успел лишь частично вскинуть ствол иглострела. Лиса, не выдерживая первый стилет, левой рукой выхватила с бедра второй — трофейный, с тусклым фиолетовым отливом. Короткий, поршневой удар снизу вверх. Граненое лезвие вошло точно в узкую горизонтальную щель забрала шлема. Раздался отчетливый, влажный, страшный хруст ломающейся кости. Мужчина замер, его руки судорожно разжались, и оружие с плеском упало в мазутную воду.

Третий каратель среагировал мгновенно. Он не стал целиться — просто вскинул ствол и нажал на спуск.

Удар в правый бок оказался такой силы, что Лису буквально отбросило назад. Ей показалось, что в её тело с размаху вогнали раскаленный добела металлический прут. Тяжелая системная пуля прошла навылет, мгновенно выжигая плоть вокруг раны и оставляя после себя удушливый, тошнотворный запах палёного мяса и горелой ткани. Лиса упала на одно колено, из её горла вырвался сухой, кровавый кашель. Мир перед глазами на секунду стал абсолютно черным.

Но она не позволила себе отключиться. Она поднялась на одной только дикой, первобытной злости. Сделала ещё один шаг вперед, преодолевая сопротивление собственного умирающего тела, и буквально навалилась на третьего карателя. Своим весом она впечатала его в бетонный столб, и пока он пытался передернуть затвор заклинившего оружия, Лиса правой, здоровой рукой вогнала фиолетовый стилет ему в шею, прямо под основание шлема, где броня переходила в шейный воротник.

Гелла добила его. Из своей параллельной фазы, сквозь лопающиеся барьеры поля синхронизации, она выстрелила из обрез практически в упор. Короткий, оглушительный хлопок пороховых газов разорвал пространство коллектора. Голову третьего карателя отбросило назад, металл шлема брызнул осколками.

Поле синхронизации фаз, удерживаемое генераторами Синдиката, лопнуло со звуком разбитого стекла. Искаженная реальность коллектора мгновенно распалась. Три тяжелых черных трупов, только что бывшие осязаемыми и плотными, прямо на глазах подернулись густой

серой изморозью помех и бесследно исчезли из реальности Лисы. Система развела их мертвые тела обратно по их истинным временным координатам. Лагерь Брока снова превратился в прозрачное, колеблющееся квантовое эхо.

В коллекторе воцарилась тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь высоким писком в ушах Лисы. Она медленно, тяжело осела на абсолютно пустой, холодный бетон своего персонального, одинокого тоннеля. Правая ладонь рефлекторно зажала пробитый бок. Кровь между пальцев была слишком темной, горячей и пугающе быстро остывала в ледяном воздухе Изнанки. Откат от короткой, но мощной вспышки адреналина уже догонял её, скручивая желудок спазмом тошноты.

Призрачный силуэт Геллы опустился перед ней на одно колено. Лиса видела, как в своей фазе Гелла лихорадочно бросилась к стене, где висел медицинский распределитель терминала ячейки. Через несколько секунд экран на стороне Лисы звякнул, и из раздатчика Системы в её руки выпал тугой рулон старого бинта и баночка с темной, пахнущей спиртом и горькими травами мазью.

— Ты совсем пизданулась, Лиса, — Гелла говорила тихо, почти ласково, но её полупрозрачные глаза сквозь пелену минут были полны скрытого ужаса. Она смотрела, как Лиса дрожащими руками пытается наложить повязку на дымящуюся рану. — Можно же было просто отдать это проклятое время. Ну забрали бы они двоих. Или троих. Мы бы выкрутились, перетерпели бы. Не в первый раз. А теперь что?

— Можно было, — Лиса с трудом сглотнула густой металлический привкус крови во рту и туго затянула узел бинта на боку. — Но мне... не захотелось. Больше не захотелось отдавать им ни одной нашей секунды.

Эхо Клайда Брока стояло чуть позади Геллы. Его лицо было бледным, как известь, а руки крупно дрожали, когда он активировал на терминале отправку своей жестяной фляги с водой в фазу раненой Лисы.

Глава 7

Они уходили вверх по аварийной металлической лестнице огромного гравитационного колодца, когда стены Конструкта затряслись по-настоящему.

Пульс тридцать второго яруса пришёл раньше времени. Система не стала дожидаться, пока выжившие подготовятся к эвакуации, и просто запустила глобальный протокол очистки пространства.

Сначала это был лишь низкий, едва уловимый нарастающий гул, от которого мгновенно начали крошиться и ныть корни зубов. А затем бетонный монолит шахты под ногами дрогнул. Где-то глубоко внизу, в невидимых недрах Южного Осушителя, с оглушительным, похожим на пушечный выстрел треском лопнула одна из магистральных несущих труб. Локальная сеть ячейки заискрила. Квантовые фазовые барьеры, которые удерживали людей в их изолированных временных отрезках, начали стремительно и хаотично рушиться под воздействием чудовищных тектонических сдвигов Конструкта.

Люди сорвались почти сразу. Паника, сдерживаемая последние месяцы, хлынула наружу безумным потоком. Кто-то истошно, по-животному закричал в темноте. На сетчатке Лисы системный лог ячейки взорвался каскадом багрово-красных предупреждений:

[Критический уровень психоэмоционального фона в секторе]

[Внимание: Фиксация массового панического всплеска].

Таймеры людей вспыхнули алым заревом по всей невидимой, но теперь стремительно уплотняющейся колонне. Известковая корка утилизации мгновенно поползла по пальцам и предплечьям тех выживших, кто оказался слабее духом. В воздухе колодца отчетливо запахло сухим, мертвым камнем.

— Назад нельзя! Шлюзы блокируются! — орал Клайд Брок. Его искажённый эхо-голос, прорывающийся сквозь треск лопающихся радиоволн, доносился из интеркома Лисы. Луч его ручного фонаря бешено дрожал, выхватывая из темноты куски проседающего потолка. — Каверна этажа схлопывается внутрь себя! Плиты уже идут внахлест! Временные фазы сминает в одну точку, нас сейчас просто раздавит геометрией здания! Лиса, делай что-нибудь!

Лиса, зажимая левой рукой кровоточащий правый бок, упрямо пробралась вперёд по узкому настилу. Она расталкивала невидимые, но теперь пугающе осязаемые, бьющиеся в электрических судорогах силуэты людей, и выскочила на самый край технического мостика. Под ними уходила в бесконечную, ледяную пустоту чёрная бездна гравитационной шахты. Коридор её личного времени стремительно заполнялся чужими криками и плачем — Система насильно сжимала секунды выживших перед финальным ударом.

Лиса повернулась лицом к колонне испуганных, грязных, измотанных людей, которые в панике цеплялись за ржавые перила. Правой рукой она сорвала с переносицы круглые очки в тонкой металлической оправе — последнюю деталь из её прошлой, теплой земной жизни, которую она зачем-то упрямо продолжала носить все эти пять лет. Безжалостно швырнула их вниз, в темноту колодца, и убрала мешающие рыжие волосы со лба.

— Слушайте меня! Все! Прямо сейчас включите общий аудиоканал ячейки! — рявкнула она.

Голос Лисы не был громким, но Система, повинувшись её ментальному усилию, подхватила его и разнесла по всем схлопывающимся фазам колодца, намертво вбивая слова в уши каждого выжившего и перекрывая чудовищный скрежет Конструкта.

— Закройте глаза! Немедленно закройте глаза! — её тон стал ровным, тяжелым и абсолютно непреклонным. Это был голос, не терпящий возражений, голос врача, вытаскивающего пациента с того света. — Для вас больше нет этого колодца. Нет высоты под ногами. Нет ржавых лестниц, нет бездны внизу и нет рушащихся стен. Забудьте про Конструкт. Есть

только одна металлическая перекладина под вашей ладонью. Только этот холодный кусок железа. Сжимайте его. Дышите! Глубоко, через нос! Раз. Два. Три. Медленный, контролируемый выдох. Ещё раз! Наполняйте лёгкие. Страх — это просто химия вашего глупого, напуганного мозга. Всего лишь ошибка восприятия. Отсеките её чисто механически. Ваше сердце бьётся ровно. Как метроном. Вы контролируете только его ритм. Только свой следующий шаг. Только одну ступеньку вверх.

Она говорила без остановки, чеканя каждое слово, и через логи интерфейса видела, как багровые, бешеные огоньки чужих таймеров в системных строках начинают замедлять свой смертельный бег. Кто-то в темноте тихо, навзрыд всхлипнул. Тощий парень Тош продолжал скулить сквозь плотно сжатые зубы, но общее мигание системных индикаторов смерти стало ровным, сменяясь стабильным желтым цветом. Серая известковая корка на телах людей замерла и перестала расползаться дальше по живой плоти. Разум Алисы Рейн снова победил цифровую утилизацию Системы.

— Клайд, ты первый! — скомандовала Лиса, тяжело дыша и чувствуя, как повязка на её боку окончательно промокла от горячей крови. — Хромай вверх, страхуй людей сверху! Гелла — вставай в середину колонны! Слабых и напуганных зажимайте между сильными, не давайте им смотреть вниз! Я иду последней, закрываю хвост. Двигайтесь!

Они пошли. Медленно, переставляя ноги по вибрирующим ступеням, колонна эха Брока потянулась к спасительным верхним шлюзам тридцать третьего яруса.

Лиса замерла на мостике, терпеливо выжидая, пока датчик последней Единицы в её интерфейсе — тощей подростковой девчонки с огромными, полными ужаса глазами — покажет, что она скрылась в верхнем переходе. Только тогда Лиса протянула руку и ухватила за ледяную, покрытую ржавчиной железную перекладину вертикальной лестницы. Бок обожгло новой вспышкой боли, в глазах на секунду поплыли серые пятна отката, но она заставила себя сделать первый шаг вверх.

И в этот момент снизу поднялся настоящий, оглушительный рёв.

Южный Осушитель тридцать второго этажа складывался окончательно. Огромные бетонные плиты перекрытий сдвигались с чудовищным, скрежещущим звуком, перемалывая и формируя всё, что когда-то было их временным домом. Конструкт завершал Пульс, жестко выпрямляя и зачищая временные фазы, раскидывая выживших по совершенно разным координатам огромного здания.

Лиса успела подняться вверх всего метра на двадцать пять, когда прямо над её головой, со стороны тридцать третьего уровня, с оглушительным, финальным треском рухнула сорвавшаяся несущая балка. Огромный многотонный бетонный монолит перерезал гравитационный колодец пополам, словно гигантская гильотина.

Лавина тяжелых обломков, рваной арматуры и тучи плотного серого пепла с грохотом сыпанулись вниз. Железный технический мостик, на котором Лиса стояла всего минуту назад, с металлическим визгом оторвался от креплений и мгновенно исчез в нахлынувшей снизу чёрной бездне. Сила воздушного удара была такой мощности, что пальцы Лисы соскользнули с обледеневшего железа лестницы. Она потеряла опору и полетела вниз — в грохот, пыль и темноту.

Сквозь рев разрушающегося этажа и лопающиеся радиоволны до её интеркома донёсся далёкий, сорванный, тонущий в цифровых помехах голос Клайда: — Лиса!! Держись, Лиса-а!..

Потом связь оборвалась окончательно, сменившись глухим статическим шумом. Накатил финальный, низкий, торжествующий и почти органнй гул завершившегося Пульса. Геометрия пространства зафиксировалась. Все квантовые эхо лагеря Брока были безжалостно стерты Системой из этой точки реальности.

Она осталась в абсолютном, звенящем и глухом одиночестве.

Глава 8

Лиса сидела в абсолютной, плотной и душной темноте, крепко прижавшись спиной к новому, ещё тёплому от чудовищного тектонического трения бетону стены. Ей казалось, что её замуровали заживо внутри этой глухой, безвоздушной коробки. Она изо всех сил вжималась затылком в камень, до крови кусала собственные губы и изо всех сил вдавливала здоровый кулак в бедро, пытаясь не завывать в голос от бессилия, злости и разрывающей тело боли. Каждая секунда в тишине после Пульса казалась бесконечной, давящей на психику тяжелым, свинцовым прессом.

Откат за удержание разума людей в колодце и короткую вспышку адреналина во время падения пришел сразу, навалившись сокрушительным ударом. «Холодный разум» выключился окончательно, забрав с собой последние ментальные резервы. Голову словно набили мелким битым стеклом и медленно, с садистским удовольствием сжимали тяжелыми гидравлическими тисками. Боль была такой нечеловеческой силы, что перед закрытыми глазами вспыхивали рваные фиолетовые зигзаги, а в ушах стоял сплошной, тонкий и высокий электрический звон, от которого чесалось внутри черепа.

Рана в боку пульсировала в такт бешеному ритму сердца — горячими, тяжелыми, ненавистными толчками. Повязка, наложенная Геллой, окончательно пропиталась кровью, и Лиса чувствовала, как липкая, теплая влага медленно течет по бедру, затекая в ботинок. Каждый минимальный вдох отзывался острой, режущей вспышкой в ребрах, словно пуля карателя Синдиката задела легкое. Тошнило так сильно, что Лисе пришлось несколько раз с трудом сглотнуть вязкую, соленую слюну, замирая и боясь сделать лишнее движение, лишь бы не задохнуться собственной рвотой прямо здесь, в этой крошечной тьме.

[01:34:12]

[01:34:11]

Таймер на сетчатке продолжал методично жевать секунды её жизни. Меньше полутора часов. Ранения и лихорадка заставляли Систему списывать время с полуторным коэффициентом. Если она прямо сейчас сдастся и останется сидеть на этом полу, Конструкт просто дождетсЯ, пока цифры обнулятся, и запустит процесс утилизации биомассы.

— Ну же, — прохрипела она сквозь плотно сжатые зубы. Голос прозвучал чуждо, как шелест сухого пепла по металлу. — Вставай, тварь. Тебя никто здесь не поднимет. Клайда больше нет. Геллы нет. Ты одна. Как и всегда.

Она заставила себя сначала просто перевернуться на живот. Шероховатый, покрытый свежей известью бетон жестко скрёб кожу лица, смешиваясь с потом, грязью и запекшейся кровью. Затем, хрипя и захлебываясь тяжелым воздухом, она встала на четвереньки. Левое раненое плечо тут же заорало от дикой боли, когда Лиса попыталась опереться на него. Рука подогнулась, и она едва не рухнула обратно лицом в пыль, но в последний момент успела перенести вес на правую сторону.

Цепляясь дрожащими, окровавленными пальцами за малейшие неровности, технологические стыки и выступы новой стены, она медленно, сантиметр за сантиметром, выпрямила корпус. Ноги держали паршиво, колени крупно дрожали, словно состояли из жидкого желе. Холодный пот затекал в глаза, нещадно щипал шрам на скуле и оставлял грязные потеки на щеках. Спина с глухим стуком врезалась в графитовую панель перекрытия, и Лиса замерла, тяжело и прерывисто дыша.

Она включила тусклый ручной фонарь на куртке. Направленный луч света сорвал глухую тьму и выхватил из полумрака совершенно новый, незнакомый коридор. Пульс полностью переключился на этот сектор, уничтожив всё, что Лиса знала о тридцать втором ярусе. Стены здесь сошлись под какими-то странными, неправильными, ломающими геометрию углами, созда-

вая ощущение искривленного пространства. Потолок был значительно ниже, чем в колодце — метра два, не больше, из-за чего длинный коридор казался глухой бетонной кишкой.

Воздух стал сухим, пронзительно холодным и пах свежей строительной известью, озоном, перегоревшим техническим маслом и чем-то ещё — едва уловимым, приторно-сладковатым запахом старой гнили. Так пахли мертвые тела выживших, которые Конструкт ещё не успел окончательно переварить и превратить в монолитный камень. Все локальные карты Системы на её сетчатке были стерты, интерфейс выдавал лишь серую сетку калибровки.

Лиса медленно перевела взгляд на пол прямо перед своими ботинками и замерла, забыв как дышать. Фонарь в её правой руке ощутимо дрогнул.

На ровном, толстом слое серой пыли тянулась глубокая, рваная борозда. Это был след тяжелого гранёного наконечника какого-то массивного оружия, которое с огромной физической силой волокни по бетону, словно хозяин этого орудия даже не пытался скрывать своего присутствия. Края борозды были совершенно свежими — серая пыль этажа ещё не успела затянуть рваные, острые сколы графитового камня. В паре мест из развороченного пола всё ещё лениво поднимались тонкие, едва заметные струйки едкого белого дыма.

Лиса медленно, преодолевая сопротивление стонущего тела и придерживая рукой кровоточащий бок, опустилась на корточки. Она аккуратно опустила подушечки пальцев вглубь борозды.

Нутро скола было теплым. Не цифровым, призрачным теплом квантового эха, к которому она привыкла в лагере Брока, а самым настоящим, реальным физическим теплом чужого присутствия. Тот, кто оставил этот след, находился в той же временной и пространственной координате, что и она. Или, точнее, почти в той же. На её сетчатке интерфейс мгновенно выдал короткую, подрагивающую строку:

[Обнаружен физический след деформации. Временной сдвиг источника: -00:05:12]

Пять минут разницы. Семь минут на нижних галереях, теперь пять минут здесь. Шрамы, которые этот человек наносил Конструкту своей яростью, были настолько глубокими, что пробивали барьеры Системы, заставляя время плавиться. Он шёл впереди неё, опережая всего на несколько сотен вдохов. Она стремительно нагоняла его, ступая по его еще не остывшим следам.

И вдруг где-то справа, за глухой бетонной стеной толщиной не менее полутора метров, раздался звук.

БАНГ.

Это не было похожем на гул Конструкта или скрежет плит во время Пульса. Это был глухой, одинокий, страшный по своей физической силе удар. Тяжелое гранёное копьё с чудовищным размахом вошло в монолитную стену перекрытия. Звук был настолько мощным, что бетон под ладонью Лисы ощутимо дрогнул, пустив по её израненному телу крупную, болезненную вибрацию. Затем — короткая, ровная пауза в три секунды, и снова удар.

БАНГ.

И ещё один. Методичный. Яростный. Злой. Кто-то с той стороны стены упрямо, с дикой, почти животной ненавистью пробивал себе дорогу вверх, сквозь монолитные заслоны зафиксировавшегося после Пульса этажа. Удары шли один за другим, без пауз, словно человек по ту сторону решил, что скорее умрет здесь от истощения и разорвет свои мышцы, но эту чертову плиту Конструкта проломит вручную. В этих ударах не было тактики или холодного расчета — в них была чистая, концентрированная воля, стирающая любые системные ограничения.

Лиса подошла вплотную к стене и прижала обе ладони к вибрирующему графиту. Тяжелые удары отдавались во всем её теле — в костях, в корнях зубов, в раненом боку и разорванном плече. Она чувствовала чужую ярость почти физически — как горячую, пульсирующую волну, идущую сквозь холодный камень прямо в её сердце. Этот стук возвращал её к жизни

эффективнее любой медицинской мази Геллы. Он заставлял кровь бежать быстрее, вымывая остатки панического страха и слабости.

— Не смей сдыхать раньше меня, ублюдок, — прошептала она почти ласково, почти нежно, касаясь лбом холодной графитовой плиты. — Слышишь? Только попробуй разбиться об эти стены. Ты мне ещё нужен. Очень нужен.

Она простояла так ещё несколько долгих секунд, закрыв глаза и слушая, как чужое невидимое копьё методично убивает монолит Конструкта. Затем Лиса медленно выпрямилась, зажала зубами глухой стон боли, поправила на поясе пустые ножны из-под рельсовых стилетов и пошла вдоль стены вперед — туда, где коридор делал резкий излом, и где удары за поворотом звучали громче, четче и чаще. Туда, где неизвестный Одиночка пробивал свой яростный путь на следующий уровень.

Тусклый луч её фонаря выхватывал из темноты всё новые и новые свидетельства его прохода. Этот коридор был зоной односторонней бойни. На панелях стен чернели глубокие, рваные царапины, облицовка местами была полностью выбита, обнажая внутренние металлические ребра Конструкта. На полу, смешиваясь с серой пылью, густыми лужами оплывала темная, пахнувшая каленым железом фиолетовая лимфа каких-то крупных тварей. Лиса наткнулась на оторванную лапу Ржавого Плывуна — металллом и куски кабелей были перерублены одним точным, чудовищным по силе ударом. Одиночка не прятался по норам и техническим вентиляциям, как испуганные выжившие из лагеря Брока. Он шёл напролом, зачищая этаж и оставляя за собой этот кровавый, развороченный коридор.

Лиса шла за этими свежими следами, бережно наступая в чужие отпечатки тяжелых армейских ботинок на пепле. Шаг в шаг. Пять минут разницы превращались в её личный ориентир. И впервые за долгие, бесконечные пять лет в этом изолированном, разорванном на фазы аду она не чувствовала себя полностью одинокой. У неё появилась цель. И эта цель была осязаемой, теплой и очень зл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.